

Именем
Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

по делу о проверке конституционности положений статьи 242¹
Бюджетного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой
Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации

город Санкт-Петербург

2 марта 2010 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей Н.С.Бондаря, Г.А.Гаджиева, Ю.М.Данилова, Л.М.Жарковой, Г.А.Жилина, С.М.Казанцева, М.И.Клеандрова, С.Д.Князева, Л.О.Красавчиковой, С.П.Маврина, Н.В.Мельникова, Ю.Д.Рудкина, Н.В.Селезнева, А.Я.Сливы, В.Г.Стрекозова, В.Г.Ярославцева,

с участием представителя Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации – кандидата юридических наук Н.В.Васильева, постоянного представителя Государственной Думы в Конституционном Суде Российской Федерации А.Н.Харитонов, представителя Совета Федерации – доктора юридических наук Е.В.Виноградовой, полномочного представителя Президента Российской Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации М.В.Кротова,

руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального

конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в открытом заседании дело о проверке конституционности положений статьи 242¹ Бюджетного кодекса Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые заявителем законоположения.

Заслушав сообщение судьи-докладчика С.М.Казанцева, объяснения представителей сторон, выступления приглашенных в заседание представителей: от Министерства юстиции Российской Федерации – Е.А.Борисенко, от Министерства финансов Российской Федерации – Н.Б.Петлиной, от Генерального прокурора Российской Федерации – Т.А.Васильевой, от Федеральной службы судебных приставов – И.В.Селионова, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. В соответствии со статьей 242¹ Бюджетного кодекса Российской Федерации исполнение судебных актов по обращению взыскания на средства бюджетов бюджетной системы Российской Федерации производится на основании исполнительных документов – исполнительного листа либо судебного приказа с указанием сумм, подлежащих взысканию (пункт 1); к исполнительному документу (за исключением судебного приказа), направляемому для исполнения судом по просьбе взыскателя или самим взыскателем, должна быть приложена, в частности, надлежащим образом заверенная копия судебного акта, на основании которого он выдан (пункт 2); непредставление какого-либо документа, указанного в пункте 2 данной

статьи, является основанием для возврата взыскателю документов, поступивших на исполнение (пункт 3).

1.1. Конституционность названных законоположений оспаривает Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации, обратившийся в Конституционный Суд Российской Федерации в защиту конституционных прав гражданки Г.М.Демидкиной – вдовы гражданина И.Г.Демидкина, в отношении которого 5 июня 1981 года был вынесен обвинительный приговор, отмененный с направлением уголовного дела на дополнительное расследование постановлением президиума Воронежского областного суда от 12 декабря 1990 года. 8 июля 1991 года И.Г.Демидкин скончался, а 4 сентября 1992 года уголовное дело было прекращено в связи с отсутствием в действиях обвиняемого состава преступления.

Требования Г.М.Демидкиной о возмещении имущественного вреда, причиненного незаконным привлечением ее мужа к уголовной ответственности, постановлением прокурора Воронежской области от 9 октября 1992 года были частично удовлетворены: возмещен утраченный заработок за время отбывания наказания и расходы по оплате юридических услуг. Требование о выплате незаконно изъятых в ходе следствия денежных средств впоследствии также было удовлетворено (постановление заместителя прокурора Воронежской области от 14 апреля 2005 года), а подлежащая выплате денежная сумма пересчитана с учетом уровня инфляции (постановление первого заместителя прокурора Воронежской области от 6 июля 2006 года). Постановление о выдаче исполнительного листа о взыскании данной денежной суммы за счет казны Российской Федерации вынесено Ленинским районным судом города Воронежа 4 августа 2006 года.

22 мая 2007 года документы, направленные Г.М.Демидкиной в Министерство финансов Российской Федерации для исполнения, были возвращены с указанием на необходимость представления судебного акта, на основании которого ей был выдан исполнительный лист. Одновременно Управление Федерального казначейства по Воронежской области обратилось

с надзорной жалобой в Воронежский областной суд. Постановлением президиума Воронежского областного суда от 27 июня 2007 года надзорная жалоба была удовлетворена, постановление Ленинского районного суда города Воронежа от 4 августа 2006 года отменено, а производство по заявлению Г.М.Демидкиной о выдаче исполнительного листа прекращено.

Ленинский районный суд города Воронежа, отказывая решением от 24 февраля 2009 года в удовлетворении иска Г.М.Демидкиной к Министерству финансов Российской Федерации, Управлению Федерального казначейства по Воронежской области и прокуратуре Воронежской области о возмещении имущественного ущерба, причиненного незаконным уголовным преследованием, компенсации морального вреда и расходов на оплату услуг представителя, исходил из того, что Управление Федерального казначейства по Воронежской области и прокуратура Воронежской области являются ненадлежащими ответчиками по данному гражданскому делу, требование же об обязанности Министерства финансов Российской Федерации выплатить соответствующие суммы в возмещение ущерба надлежащим образом не заявлялось.

1.2. Неконституционность статьи 242¹ Бюджетного кодекса Российской Федерации Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации усматривает в том, что она не позволяет обращать взыскание на средства бюджетов бюджетной системы Российской Федерации на основании принятых в рамках досудебного производства процессуальных решений дознавателя, следователя (а в соответствии с ранее действовавшим уголовно-процессуальным законом – и прокурора), которыми признается право гражданина на реабилитацию и определяется размер возмещения вреда, причиненного незаконным привлечением к уголовной ответственности.

По мнению заявителя, оспариваемое регулирование фактически исключает для лиц, реабилитированных на стадии досудебного производства по уголовному делу, возможность реализации конституционного права на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями

(или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц, поскольку уголовно-процессуальное законодательство не предусматривает обязанности суда рассмотреть требование реабилитированного взыскателя и, соответственно, не предоставляет ему возможность получить отвечающий предписаниям статьи 242¹ Бюджетного кодекса Российской Федерации судебный акт, чем нарушаются права, гарантированные статьями 19 (часть 1), 52 и 53 Конституции Российской Федерации.

1.3. В силу статей 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» Конституционный Суд Российской Федерации принимает решение по делу о проверке конституционности закона или отдельных его положений в связи с жалобой гражданина только по предмету, указанному в жалобе, в отношении тех оспариваемых заявителем законоположений, которые были применены или подлежат применению в его деле и затрагивают конституционные права и свободы; при этом Конституционный Суд Российской Федерации оценивает как буквальный смысл рассматриваемых законоположений, так и смысл, придаваемый им официальным и иным толкованием или сложившейся правоприменительной практикой, а также с учетом их места в системе правовых актов.

Исходя из этого предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу являются положения статьи 242¹ Бюджетного кодекса Российской Федерации, определяющие общие правила исполнения судебных актов по обращению взыскания на средства бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, применительно к случаям возмещения государством имущественного вреда, причиненного реабилитированному лицу, уголовное преследование в отношении которого было прекращено на стадии досудебного производства.

2. Конституция Российской Федерации закрепляет право каждого на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями

(или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц (статья 53), реализация которого гарантируется конституционной обязанностью государства в случае нарушения органами публичной власти и их должностными лицами прав, охраняемых законом, обеспечивать потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба (статья 52), а также государственную, в том числе судебную, защиту прав и свобод человека и гражданина (статья 45, часть 1; статья 46).

В силу статей 17 (части 1 и 2) и 18 Конституции Российской Федерации право на судебную защиту в числе других основных прав и свобод человека признается и гарантируется согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией Российской Федерации, является непосредственно действующим, определяет смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, что, как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, предполагает не только право на обращение в суд, но и гарантии, позволяющие реализовать его в полном объеме и обеспечивающие эффективное восстановление в правах посредством правосудия, отвечающего требованиям справедливости и равенства (постановления от 14 июля 2005 года № 8-П, от 26 декабря 2005 года № 14-П, от 25 марта 2008 года № 6-П и др.).

Конституционным гарантиям находящегося под судебной защитой права на возмещение вреда, в том числе причиненного необоснованным уголовным преследованием, корреспондируют положения Конвенции о защите прав человека и основных свобод (пункт 5 статьи 5, статья 3 Протокола № 7) и Международного пакта о гражданских и политических правах (подпункт «а» пункта 3 статьи 2, пункт 5 статьи 9, пункт 6 статьи 14), утверждающие право каждого, кто стал жертвой незаконного ареста, заключения под стражу или судебной ошибки, на компенсацию и обязанность государства обеспечить эффективные средства правовой защиты нарушенных прав.

Из приведенных положений Конституции Российской Федерации и международно-правовых актов, основанных на принципах правового государства, верховенства права, юридического равенства и справедливости, следует, что государство, обеспечивая лицам, пострадавшим от незаконного и (или) необоснованного привлечения к уголовной ответственности на любой стадии уголовного судопроизводства, эффективное восстановление в правах, обязано гарантировать им возмещение причиненного вреда, в том числе путем компенсации из средств государственного бюджета.

Конкретизируя конституционно-правовой принцип ответственности государства за незаконные действия (или бездействие) органов государственной власти или их должностных лиц, федеральный законодатель устанавливает порядок и условия возмещения вреда, причиненного такими действиями (бездействием). При этом, исходя из необходимости максимально возможного возмещения вреда, он должен принимать во внимание особенности регулируемых общественных отношений (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 января 1993 года № 1-П) и – с учетом специфики правового статуса лиц, которым причинен вред при уголовном преследовании, – предусматривать наряду с общими гражданско-правовыми правилами компенсации вреда упрощающие процедуру восстановления прав реабилитированных лиц специальные публично-правовые механизмы, обусловленные тем, что гражданин, необоснованно подвергнутый от имени государства уголовному преследованию, нуждается в особых гарантиях защиты своих прав. Тем более что при рассмотрении вопроса о возмещении вреда, причиненного гражданину в результате ошибочного привлечения к уголовной ответственности, действуют закрепленные в статье 49 Конституции Российской Федерации требования презумпции невиновности, исходя из существования которых на гражданина не может быть возложена обязанность доказывания оснований для возмещения данного вреда, непосредственно связанная с доказыванием невиновности в совершении преступления.

Аналогичной позиции придерживается Европейский Суд по правам человека, который в своей практике исходит из того, что пункт 2 статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, закрепляющий принцип презумпции невиновности, распространяется на судопроизводство по возмещению ущерба, если получение компенсации обусловливается именно незаконностью привлечения к уголовной ответственности или заключения под стражу, что подтверждено вступившим в силу оправдательным решением; данное положение основано на общем правиле, согласно которому после вступившего в силу оправдания даже подозрения, затрагивающие невиновность обвиняемого, являются неприемлемыми (постановления от 21 марта 2000 года по делу «Рушити (Rushiti) против Австрии», от 11 февраля 2003 года по делу «Хаммерн (Hammern) против Норвегии» и от 29 июня 2006 года по делу «Пантелеенко (Panteleyenko) против Украины»).

Таким образом, предусматривая специальные механизмы восстановления нарушенных прав для реализации публично-правовой цели – реабилитации каждого, кто незаконно и (или) необоснованно подвергся уголовному преследованию, федеральный законодатель не должен возлагать на гражданина, как более слабую сторону в этом правоотношении, излишние обременения, связанные с произвольными решениями и действиями органов исполнительной власти, а, напротив, обязан создавать процедурные условия для скорейшего определения размера причиненного вреда и его возмещения, во всяком случае не подвергая сомнению принцип исполняемости принятых решений о выплатах компенсации вреда реабилитированным лицам.

3. Статья 242¹ Бюджетного кодекса Российской Федерации содержит общие предписания относительно исполнения судебных актов, обеспечивающие, в том числе в соответствии со статьями 1069 и 1070 ГК Российской Федерации, возмещение за счет казны Российской Федерации причиненного гражданину незаконными действиями государственных

органов вреда – путем обращения взыскания на средства бюджетов бюджетной системы Российской Федерации.

Данные предписания применяются при исполнении судебных решений, принятых как в гражданском, так и в уголовном судопроизводстве, в том числе в тех случаях, когда вред был причинен действиями (или бездействием) государственных органов и их должностных лиц, выразившимися в незаконном привлечении к уголовной ответственности, если впоследствии уголовное преследование было прекращено постановлениями дознавателя, следователя по основаниям, дающим право на реабилитацию. При этом как по буквальному смыслу статьи 242¹ Бюджетного кодекса Российской Федерации, так и по смыслу, придаваемому ей судебной практикой, обязанность уполномоченного финансового органа по выплате из соответствующего бюджета средств в возмещение причиненного вреда возникает лишь при условии, что она подтверждена актом, принятым судом, а не органами уголовного преследования.

В указанном требовании находит выражение принцип иммунитета бюджета, закрепленный статьей 239 Бюджетного кодекса Российской Федерации: исходя из правовой природы бюджета, являющегося финансовой основой функционирования государства, средства которого расходуются на государственные и общественные нужды в интересах всех граждан, проживающих на его территории, и из необходимости целевого расходования бюджетных средств, федеральный законодатель вправе и обязан установить такое правовое регулирование, которое препятствует возможности бесконтрольного обращения взыскания на средства бюджета. Тем самым обеспечиваются реальные гарантии сохранности средств государства, которое в этих целях может прибегать к использованию судебной защиты своих прав.

При этом нормативные положения статьи 242¹ Бюджетного кодекса Российской Федерации – исходя из ее места в системе действующего правового регулирования – не ограничивают и не могут ограничить право на

компенсацию причиненного незаконным уголовным преследованием вреда ни по объему, ни по процедуре его возмещения, поскольку создают условия не только для защиты финансовых интересов общества и государства, но и для судебной защиты права граждан на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц. Судебный механизм решения имущественного спора, в том числе связанного с возмещением за счет бюджета причиненного гражданину вреда, является наиболее предпочтительным для обеспечения справедливости и соразмерности решения, а также для соответствующего контроля за соблюдением этих общеправовых требований при принятии досудебных актов и потому, как направленный и на обеспечение прав личности, и на учет законных интересов государства как собственника средств, в наибольшей степени согласуется с положениями статей 8 (часть 2), 35 (часть 3) и 46 Конституции Российской Федерации.

Следовательно, постановка вопроса о конституционности статьи 242¹ Бюджетного кодекса Российской Федерации связана не с неопределенностью ее нормативного содержания и значения в системе правового регулирования (уголовно-процессуального, гражданско-правового, гражданского процессуального), исходя из которых и должно осуществляться правоприменение, с тем чтобы не было утрачено действительное конституционно-правовое содержание данной нормы, а с пониманием в правоприменительной практике ее места в правовом регулировании института возмещения государством имущественного вреда, причиненного реабилитированному лицу, в случае, когда его уголовное преследование было прекращено на стадии досудебного производства.

4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, исходя из необходимости реабилитации каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию, определяет реабилитацию как порядок восстановления прав и свобод и возмещения вреда, причиненного в связи с

незаконным или необоснованным уголовным преследованием, и признает за реабилитированными лицами безусловное право на его возмещение (пункты 34 и 35 статьи 5, статья 6).

В соответствии со статьей 133 УПК Российской Федерации право на реабилитацию включает в себя право на возмещение имущественного вреда, устранение последствий морального вреда и восстановление в трудовых, пенсионных, жилищных и иных правах; вред, причиненный гражданину в результате уголовного преследования, возмещается государством в полном объеме независимо от вины органа дознания, дознавателя, следователя, прокурора и суда (часть первая); право на реабилитацию, в том числе право на возмещение вреда, связанного с уголовным преследованием, имеют: подсудимый, в отношении которого вынесен оправдательный приговор; подсудимый, уголовное преследование в отношении которого прекращено в связи с отказом государственного обвинителя от обвинения; подозреваемый или обвиняемый, уголовное преследование в отношении которого прекращено по основаниям, предусмотренным пунктами 1, 2, 5 и 6 части первой статьи 24 и пунктами 1 и 4–6 части первой статьи 27 данного Кодекса; осужденный – в случаях полной или частичной отмены вступившего в законную силу обвинительного приговора суда и прекращения уголовного дела по основаниям, предусмотренным пунктами 1 и 2 части первой статьи 27 данного Кодекса; лицо, к которому были применены принудительные меры медицинского характера, – в случае отмены незаконного или необоснованного постановления суда о применении данной меры (часть вторая); право на возмещение вреда в порядке, установленном главой 18 данного Кодекса, имеет также любое лицо, незаконно подвергнутое мерам процессуального принуждения в ходе производства по уголовному делу (часть третья); в иных случаях, кроме предусмотренных данным Кодексом, вопросы, связанные с возмещением вреда, разрешаются в порядке гражданского судопроизводства (часть пятая).

Установленный в уголовном процессе порядок возмещения вреда предполагает, что суд в приговоре, определении, постановлении, а следователь, дознаватель – в постановлении признают за оправданным либо лицом, в отношении которого прекращено уголовное преследование, право на реабилитацию; одновременно реабилитированному направляется извещение с разъяснением порядка возмещения вреда, связанного с уголовным преследованием (часть первая статьи 134 УПК Российской Федерации). В течение сроков исковой давности, предусмотренных Гражданским кодексом Российской Федерации, со дня получения данного извещения реабилитированный вправе обратиться с требованием о возмещении имущественного вреда в орган, постановивший приговор и (или) вынесший определение, постановление о прекращении уголовного дела, об отмене или изменении незаконных или необоснованных решений, который в срок не позднее одного месяца со дня поступления требования о возмещении имущественного вреда определяет его размер и выносит постановление о производстве выплат в возмещение этого вреда (части вторая и четвертая статьи 135 УПК Российской Федерации). Постановления судьи, следователя, дознавателя о производстве выплат, возврате имущества могут быть обжалованы в уголовно-процессуальном порядке (статья 137 УПК Российской Федерации).

Согласно части пятой статьи 135 УПК Российской Федерации требование о возмещении имущественного вреда разрешается судьей в порядке, установленном статьей 399 данного Кодекса для разрешения вопросов, связанных с исполнением приговора. По смыслу этого законоположения во взаимосвязи со статьей 133, частью первой статьи 134, частями второй и четвертой статьи 135, пунктом 1 статьи 397 и частью первой статьи 399 УПК Российской Федерации, вопрос о производстве выплат в возмещение имущественного вреда и определении их размера в процедурах, установленных для стадии исполнения приговора, разрешается непосредственно судом в тех случаях, когда право на реабилитацию ранее

признано в оправдательном приговоре или в определении, постановлении вышестоящей судебной инстанции о прекращении уголовного дела; в случаях же признания права на реабилитацию следователем или дознавателем данный вопрос решается органом предварительного расследования, прекратившим уголовное дело.

При этом следователь, дознаватель в целях реализации вытекающего из Конституции Российской Федерации принципа максимально возможного его возмещения, руководствуются как положениями части первой статьи 135 УПК Российской Федерации, предусматривающими виды выплат и имущества, подлежащих возврату, так и иными положениями законодательства, устанавливающими общие правила определения размера возмещения вреда. Иски же о компенсации морального вреда (в денежном выражении) предъявляются в порядке гражданского судопроизводства, в этом же порядке обжалуются решения о восстановлении трудовых, пенсионных, жилищных и иных прав реабилитированного (часть вторая статьи 136 и часть первая статьи 138 УПК Российской Федерации).

Таким образом, действующий уголовно-процессуальный порядок признания права на возмещение имущественного вреда в связи с реабилитацией, в том числе на стадии досудебного производства по уголовному делу, в соответствии с требованиями статей 45, 49, 52 и 53 Конституции Российской Федерации во всех случаях создает для реабилитированных лиц упрощенный по сравнению с исковым порядком гражданского судопроизводства режим правовой защиты, освобождающий их от бремени доказывания оснований и размера возмещения вреда и одновременно предоставляющий им возможность участвовать в доказывании объема компенсации, а также возможность обжалования принятых об этом решений в случае несогласия с ними.

5. Как неоднократно подчеркивал Конституционный Суд Российской Федерации, ни конституционное право на судебную защиту, ни принципы состязательности и равноправия сторон, ни общеправовой принцип

равенства не предполагают выбор гражданином по своему усмотрению любых способов и процедур судебной защиты (постановления от 28 января 1997 года № 2-П, от 16 июля 2004 года № 15-П и др.), законодатель же управомочен как на установление процедур, в рамках которых осуществляется возмещение вреда реабилитированным лицам, так и на дальнейшее их совершенствование, если эти процедуры недостаточно ясны или пробельны (постановления от 2 февраля 1996 года № 1-П, от 17 июля 2002 года № 13-П, от 20 февраля 2006 года № 1-П и др.).

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, не предусматривая непосредственно, каким образом реабилитированное лицо, уголовное преследование в отношении которого было прекращено на стадии досудебного производства органом предварительного расследования, может получить судебное решение, подтверждающее его право на возмещение имущественного вреда, причиненного уголовным преследованием, вместе с тем не исключает такую возможность.

В связи с тем что Федеральным законом от 27 декабря 2005 года № 197-ФЗ Бюджетный кодекс Российской Федерации был дополнен главой 24¹ «Исполнение судебных актов по обращению взыскания на средства бюджетов бюджетной системы Российской Федерации», согласно статье 242¹ которой обращение взыскания на средства бюджетов бюджетной системы Российской Федерации осуществляется только по судебному акту, были внесены необходимые изменения в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «Об исполнительном производстве», направленные на приведение этих нормативных актов в соответствие с предписаниями статьи 242¹ Бюджетного кодекса Российской Федерации.

При внесении указанных дополнений в Бюджетный кодекс Российской Федерации федеральный законодатель обязан был учесть, что соответствующие положения уголовно-процессуального законодательства не должны создавать препятствий для обращения взыскания на средства

бюджета в целях возмещения гражданам имущественного вреда, причиненного незаконным и (или) необоснованным уголовным преследованием. Такой подход, вытекающий из статьи 53 Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее статьями 15 (часть 2), 17 (часть 2), 18, 45, 46 и 52, предполагал внесение поправок и в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, обусловленных изменением бюджетного законодательства, что, однако, – в отступление от правил законодательной техники – не было своевременно осуществлено.

В результате в действующем правовом регулировании института реабилитации лиц, незаконно подвергнутых уголовному преследованию, возникла формальная несогласованность между взаимосвязанными положениями частей второй и четвертой статьи 135 УПК Российской Федерации относительно вынесения следователем, дознавателем не требующего подтверждения в судебном порядке постановления о производстве выплат в целях компенсации имущественного вреда лицам, реабилитированным на стадии досудебного производства по уголовному делу, с одной стороны, и положениями статей 242¹ и 239 Бюджетного кодекса Российской Федерации, допускающими взыскание из средств бюджетов бюджетной системы Российской Федерации только по судебному акту, – с другой.

Данная несогласованность, порождающая на практике противоречивое правоприменение, нуждается в законодательном устранении, в связи с чем федеральный законодатель – с учетом как повышенного уровня гарантий государственной защиты реабилитированных лиц, так и провозглашенного им иммунитета бюджетов бюджетной системы Российской Федерации – должен установить непротиворечивый, адекватный правовой механизм возмещения имущественного вреда, причиненного незаконным уголовным преследованием, на стадии досудебного производства по уголовному делу, который обеспечивал бы реабилитированным лицам эффективное

восстановление в правах посредством правосудия, отвечающего общеправовым требованиям справедливости и равенства.

Вместе с тем отсутствие такого законодательного механизма не может приостанавливать реализацию конституционного права граждан на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц, гарантированного Конституцией Российской Федерации, в том числе на стадии досудебного производства по уголовному делу. Как указал Конституционный Суд Российской Федерации, пробел в законодательном регулировании, сохраняющийся в результате бездействия законодательных органов государственной власти в течение длительного времени, достаточного для его устранения, не может служить непреодолимым препятствием для реализации вытекающих из Конституции Российской Федерации прав и законных интересов граждан. В случаях, когда коллизия правовых норм приводит к коллизии реализуемых на их основе конституционных прав, вопрос об устранении такого противоречия приобретает конституционный аспект и, следовательно, относится к компетенции Конституционного Суда Российской Федерации, который обеспечивает в этих случаях выявление конституционного смысла действующего права (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 23 декабря 1997 года № 21-П, от 2 февраля 1999 года № 3-П и от 23 февраля 1999 года № 4-П).

6. Возникшая несогласованность предписаний статьи 242¹ Бюджетного кодекса Российской Федерации с иным отраслевым регулированием института реабилитации, препятствующая эффективной реализации права на возмещение вреда, причиненного незаконным и (или) необоснованным уголовным преследованием, не обуславливает признание данной статьи не соответствующей Конституции Российской Федерации, поскольку сами по себе ее положения не ограничивают право на возмещение указанного вреда.

Исходя из этого статья 242¹ Бюджетного кодекса Российской Федерации – по своему конституционно-правовому смыслу во взаимосвязи с положениями частей второй, четвертой и пятой статьи 135 УПК Российской Федерации – предполагает, что обязанности взыскателя средств бюджета приложить к исполнительному документу копию судебного акта, на основании которого он выдан, корреспондирует право данного лица на обращение в суд с требованием о принятии судебного акта относительно возмещения вреда, причиненного незаконным уголовным преследованием. Соответственно, положение части пятой статьи 135 УПК Российской Федерации о том, что требование о возмещении имущественного вреда разрешается судьей в порядке, установленном статьей 399 данного Кодекса для разрешения вопросов, связанных с исполнением приговора, – во взаимосвязи с положениями статьи 133, частей второй и четвертой статьи 135, статей 137 и 138 УПК Российской Федерации – означает, что данная процедура применяется для возмещения имущественного вреда не только лицам, право на реабилитацию которых признано оправдательным приговором или определением, постановлением вышестоящей судебной инстанции о прекращении уголовного дела, но и лицам, реабилитированным на стадии досудебного производства по уголовному делу, что согласуется также с пунктом 1 статьи 397 УПК Российской Федерации, в силу которого вопросы, связанные с возмещением вреда реабилитированному, восстановлением его трудовых, пенсионных, жилищных и иных прав, рассматриваются судом в порядке, установленном для разрешения вопросов, связанных с исполнением приговора.

В силу принципа равенства перед законом и судом (статья 19, часть 1, Конституции Российской Федерации) реабилитированным на стадии досудебного производства по уголовному делу обеспечиваются процессуальные гарантии права на доступ к правосудию в процедуре статьи 399 УПК Российской Федерации, аналогичные гарантиям, предоставляемым лицам, в отношении которых уголовное преследование

было прекращено судом, включая право на получение судебного решения о производстве выплат в возмещение вреда, причиненного незаконным уголовным преследованием. Такой – судебный – порядок, помимо прочего, является дополнительной гарантией от произвольного определения органами предварительного расследования размера возмещения вреда и позволяет как самому реабилитированному, так и органам, представляющим казну Российской Федерации, отстаивать свою позицию по данному вопросу.

Иное истолкование положений статьи 242¹ Бюджетного кодекса Российской Федерации, как исключających для реабилитированных по постановлению следователя, дознавателя возможность обратиться за судебным решением о производстве выплат в возмещение имущественного вреда в рамках процедур, предусмотренных уголовно-процессуальным законом (статья 133, части вторая, четвертая и пятая статьи 135, статьи 397 и 399 УПК Российской Федерации), не обеспечивало бы для лиц, реабилитированных на разных стадиях уголовного судопроизводства, юридическое равенство в реализации посредством уголовно-процессуальных процедур конституционного права на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц, и вело бы к нарушению статей 19 (части 1 и 2), 52 и 53 Конституции Российской Федерации.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьей 6, частями первой и второй статьи 71, статьями 72, 74, 75, 79 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать положения статьи 242¹ Бюджетного кодекса Российской Федерации, определяющие общий порядок обращения взыскания на средства бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, применительно к

случаям возмещения государством имущественного вреда, причиненного реабилитированному лицу, уголовное преследование в отношении которого было прекращено на стадии досудебного производства, не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку эти положения – по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования – предполагают, что обязанности взыскателя приложить к исполнительному документу копию судебного акта, на основании которого он выдан, корреспондирует право получить такой судебный акт в установленном Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации порядке на основании постановления следователя, дознавателя о прекращении уголовного преследования, реабилитации и производстве выплат в возмещение вреда, причиненного незаконным и (или) необоснованным уголовным преследованием.

Выявленный в настоящем Постановлении конституционно-правовой смысл нормативного регулирования института возмещения имущественного вреда, причиненного реабилитированному лицу незаконным и (или) необоснованным уголовным преследованием, включая положения статьи 242¹ Бюджетного кодекса Российской Федерации, является общеобязательным и исключает любое иное его истолкование в правоприменительной практике.

2. Дело гражданки Демидкиной Галины Михайловны подлежит пересмотру в установленном порядке с учетом настоящего Постановления.

3. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу немедленно после провозглашения, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

4. Согласно статье 78 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете» и «Собрании законодательства Российской Федерации». Постановление

должно быть опубликовано также в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

Конституционный Суд
Российской Федерации

№ 5-П